

СОВРЕМЕННОЕ КАЗАЧЕСТВО РОССИИ:

Настоящий аналитический доклад строится на конспективном анализе пяти основных концептуальных посылов.

Первый. Подлинное казачество возможно в современной России только как этнополитический союз родового казачества и русского (славянского) населения, понимающего и признающего казачьи общественные, воинские и культурно-бытовые традиции. Всякое иное инациональное «казачество» (осетинское, ингушское и т.д.) таковым не является и «де-факто» служит только целям профанации казачьего возрожденческого движения.

Второй. Без возрождения казачества как реального и широкого военно-земледельческого класса с опорой на традиционные регионы проживания казаков (Дон, Кубань, Ставрополье) утрата Россией региона Северного Кавказа уже в среднесрочной перспективе станет неизбежной.

Третий. Политика активного оказания Омской области, Алтайского края, Республики Алтай, Тувы, Красноярского края, Иркутской, Читинской и Амурской областей, Хабаровского края способна дать новый могучий стимул к демографическому возрождению этих территорий, а следовательно к геополитически прочному укреплению их за Россией.

Четвертый. Политика российского государства в отношении казачества, в главных своих чертах заложенная в «безвременье Ельцина», в настоящий момент в значительной мере себя исчерпала, а ее продолжение будет означать «де-факто» только дискредитацию идеи казачьего возрождения.

Пятый. Основная внутренняя проблема, которую должно преодолеть казачество, заключается в разобщенности и нескоординированности его усилий, проистекающих от искусственного разделения казаков на реестровые и вольные (общественные).

I. Этносоциальный облик современного казачества

Современное казачество России является особой этнокультурной группой (тесно связанной в настоящее время с судьбой русского народа), которая отличается наличием собственной самобытной культуры, особыми формами социальной жизни и мировоззренческо-ценностными установками военно-мобилизационного характера. Особое казачье мироощущение, «казачий дух» — это не химера и не фикция, это реально существующее ментальное явление, а казачий стереотип поведения свойственен довольно широкому кругу людей, особенно в регионах традиционного проживания казаков.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что резких, принципиальных отличий между родовыми казаками по происхождению и русским народом сегодня нет. На современном Северном Кавказе, в ситуации общей безынициативности и коррумпированности власти, в проблемных в части этнопредставительности районах есть тенденция к славянской самоорганизации в форме «казачьих общин». В таких общинах этнические (родовые) казаки составляют, как правило, меньшинство. Эти казачьи «группы самоорганизации» имеют номинальную или весьма слабую связь с вышестоящими официальными казачьими структурами, хотя в большинстве случаев формально вступают в «реестровое войско».

В годы «безвременья Ельцина» было принято ошибочное, если не преступное по последствиям решение о наделении статусом «казака» представителей «титულных» народов национальных республик Северного Кавказа. Так, в замен сознательно уничтоженного в Чечне и Ингушетии терского казачества появились чеченское и ингушское «казачество», состоящие из «титулных» народов. Впоследствии уже не приходилось удивляться тому, когда при проведении антитеррористических операций у убитых боевиков находили удостоверения «чеченских казаков». Аналогичные, крайне негативные для терского ка-

зачества последствия, имело и создание так называемого «аланского казачества» в Республике Северная Осетия-Алания. Малопопулярным образованием является так же «абазинское казачество» в Ставропольском крае.

Социальный облик современного казачества имеет, к сожалению, свои издержки. Людей с высшим образованием в реестровых казачьих организациях крайне мало, а те, что есть, в большинстве своем имеют военное, милицееское, сельскохозяйственное или техническое образование. Острый дефицит специалистов-гуманитариев среди «реестровиков» уже привел к тому показательному факту, что за последние 15 лет казачьего возрожденческого движения не создано единого учебного курса (и соответствующих методических пособий) по обязательной дисциплине «История казачества», которую преподают во всех казачьих кадетских корпусах и казачьих классах России.

Таким образом, следует сделать вывод, что дальнейшее возрождение казачества России возможно только на основе последовательного развития его казачьей-русской (славянской) основы. Современное казачество остро нуждается (помимо прочих стимулирующих рычагов государственной политики) в своего рода интеллектуальном рывке, который бы выразился в создании современных образовательных, воспитательных, социально-хозяйственных и военно-мобилизационных программ, направленных на форсированное развитие казачьего этносоциального сообщества на Юге и Востоке России.

II. Положение российского казачества на Северном Кавказе

Состояние казачества (как и всего русского населения) на Северном Кавказе можно характеризовать как уже состоявшуюся катастрофу. Данная катастрофа является искусственно сформированным, многосторонним явлением, включающим этнокультурную, демографическую, экономическую, межэтническую, административно-правовую и иные составляющие. Корни катастрофы казачества лежат в советской национально-культурной и административной политике, получившей свое логичное завершение в так называемый период «безвременья Ельцина».

В настоящее время по основным регионам Северного Кавказа ситуация с казачеством выглядит следующим образом.

Республика Дагестан

В современном Дагестане имеющее трехсотлетнюю историю терское казачество стремительно исчезает. Миграционные процессы, связанные с массовым исходом горных дагестанцев на равнину, приводят к «затоплению» исконно казачьих земель конфессионально и культурно чуждыми, а зачастую прямо враждебными этносами. Мигранты-переселенцы приносят свои формы хозяйства — в основном пастбищное скотоводство, что практически уничтожило традиционное для казаков земледелие и виноградарство. В Дагестане происходит «цивилизационное вытеснение», при котором главным фактором исчезновения казачества является не прямые притеснения, а «конфликт цивилизаций»: невозможность нормальной жизни в иноконфессиональном, иноязычном и инокультурном окружении на фоне открыто протекционистской политики властей республики по отношению ко всем не-славянам.

Чеченская республика

Казачество практически уничтожено. В исконно казачьих станицах казаков остались считанные единицы, как правило старики-пенсионеры. Небольшая часть всевозрастного казачьего населения осталась в станицах Науурской, Ищерской, Червленной и Щелковской, где число казаков измеряется сотнями — около 10% от общего населения станиц. В этих станицах еще есть дети-казаки, посещающие школу. В Чечне есть декоративная «реестровая» казачья ор-

ганизация, функция которой — укрепление политического образа Главы Чеченской Республики.

Республика Ингушетия

Из проживавших там до 1992 года 30 000 казаков сейчас никого не осталось. В отличие от Чечни в свете президента Евкурова нет даже «декоративных казаков». Употребление слова «казак» по существу находится под запретом. «Окончательное решение казачьего вопроса в Ингушетии было четкой и спланированной акцией, начатой весной 1991 года и завершённой к осени 1992 года.

Республика

Северная Осетия-Алания

Славянское казачество задавлено структурой так называемого «Аланского казачества», входящего на правах отдела в «Терское Казачье Войско». «Аланское казачество» было создано для юридического оформления военизированных структур осетин (в основном южных), возникших в ходе ингушско-осетинского противостояния 1992 года. Эти структуры пользовались поддержкой администрации РСО-Алания, и служили прежде всего защите административно-клановых интересов. В конце концов, им были подчинены и казачьи организации казаков-славян. В результате этническое русскоязычное казачество в Северной Осетии задавлено, реального авторитета не имеет и постепенно деградирует.

Кабардино-Балкарская

Республика

Этнические казаки сосредоточены в Майском и Прохладненском районах. «Реестровики» объединены в «Терско-Малкинское казачье общество». Казачьи организации, кроме охраны церквей во время богослужений, ничем себя не проявляют. Несмотря на то, что из республики наблюдается массовый исход славянского населения, руководство ТМКО никаких миграционных проблем не видит, и, соответственно, не пытается их решать. Три атамана вошли в Парламент КБР.

Ставропольский край

Наиболее благополучный для казачества регион. В целом по региону сохранились отдельные станицы с преобладанием этнического казачьего элемента и с сохранением реальных казачьих традиций. В районе Кавминвод идет «скрытое противостояние» с армянскими и карачаевскими этногруппировками, активно вытесняющими славянское население из экономической сферы, а в ряде случаев и территориально. В последнее время наблюдается подкрепленная серьезным финансовым и административным ресурсом чеченская экспансия в регион КМВ, сопровождающаяся активным переделом собственности. В восточных районах Ставрополья происходит наплыв переселенцев из Чечни и Дагестана. Это вызывает резкое противостояние казаков с чеченскими и дагестанскими бизнес-криминальными структурами, пытающимися взять под контроль этот регион. Экономическая и социальная жизнь в приграничных станицах на грани коллапса: прибывающие сюда горцы практически не подлежат ни внутриобщинному, ни правовому контролю, а в случае с чеченцами они фактически ведут «войну на выживание» славян, — по тем образцам, которые были опробованы в Чечне и Ингушетии в 90-е годы. Относительно недавние события в Зеленокумске наглядно показали истинное положение вещей в регионе.

Представляется очевидным, что нормальное функционирование лоббируемого А.Г. Хлопониним «туристического кластера» на Северном Кавказе, вне предварительного разветвления вокруг ведущих объектов кластера сети казачьих поселений, выглядит, по меньшей мере, иллюзорным. Между тем, возврат казачьего населения в большинство национальных республик Северного Кавказа при сохранении существующего государственного курса внутренней национальной политики принципиально невозможен. Однако и при со-

ответствующем изменении политического вектора этот возврат станет возможным только с опорой на казаков Войска Донского и казаков Кубани. К сожалению, и в Ростовской области, и в Краснодарском крае темпы усиления политико-социального и экономического влияния казачества оставляют желать много лучшего. Быть реальным плацдармом для возврата сначала казачьего, и затем и русского населения в так называемые «национальные республики» Северного Кавказа эти регионы пока не в состоянии.

III. Казачья колонизация Сибири и Дальнего Востока

Не погрешая против исторической истины, придется согласиться с тем, что известное нам по дореволюционным, советским, а ныне российским учебникам истории «русское освоение Сибири и Дальнего Востока» без участия казаков было бы принципиально невозможным. Ибо пустующих на нашей маленькой планете земель нет, и чтобы что-то «освоить», нужно было первоначально это что-то «завоевать». На последнее действие русский народ (великорусский этнический массив), как показывает отечественная история, бывает способен, увы, только при тотальном организующем воздействии со стороны государственного аппарата.

В эпоху превращения захолустного по европейским меркам царства Московия в крупнейшую евразийскую державу, русское самодержавие не обладало ни навыками, ни механизмами для тотальной мобилизации русского населения к достижениям каких бы то ни было крупных внешнеполитических задач. Полное отсутствие в русской правящей среде, вплоть до эпохи Петра I, привычки и механизмов к тотальному контролю над собственной нацией вскоре убедительно доказала многолетняя, в финале проигранная Ливонская война и последующее лихолетье Смутного времени. Между тем территориальное расширение Московской Руси, начиная с XVI века, происходило очень быстрыми темпами.

Как неоднократно отмечалось в аналитических работах русских историков: только между серединой XVI в. и концом XVII в. Московская Русь в среднем ежегодно (150 лет подряд!) приобретала земли, равные по площади современной Голландии. К началу XVII в. Московское государство равнялось по площади всей остальной Европе, а присоединенная в первой половине XVII века атаманом Ермаком Олениным Западная Сибирь по масштабу вдвое превышала площадь Европы. К середине XVII века Московия — без политических пароксизмов и чудовищных военных усилий Петра I, по сути — без особых финансовых и материальных вложений — стала «де-факто» самым большим государством в мире.

Изучение процесса освоения славянами Сибири и Дальнего Востока убеждает: такой сверхмобилизационный этносоциальный рывок, который сделали на восток Евразии казаки, был под силу (среди европейских народов) только им. Только казаки — уникальное этническое сообщество, для которого идеалы человеческого достоинства, духовной свободы, национальной и социальной взаимоподдержки были не чем-то отвлеченным и далеким, а фактом их повседневной реальности, могли совершить этот подвиг: всего за столетие не только завоевать, но и привести в полную покорность (как писали в летописях — «заморить») почти половину географической территории евразийского материка.

Собственно же русское (великорусское) освоение Сибири и Дальнего Востока было, как представляется, освоением третьей волны. Первая волна — казачья — завоевание, политическое «заморение» и первичное хозяйственное освоение азиатских территорий (сбор ясака, охота, рыболовство). Вторая волна — административно-армейская — создание необходимой государственной инфраструктуры на завоеванных казаками

территориях (остроги, военные городки, почтовые коммуникации, перевалочные базы). И только третья волна была собственно русской — административно переселяемые, зачастую даже принудительно переселяемые государственные крестьяне (распашка целинных земель, создание первичной сети земледельческих поселений).

В период перестройки и последующего «безвременья Ельцина» структурные социально-экономические перекосы в целом по стране достигли такого уровня напряженности, что вызвали массовый исход населения из районов Крайнего Севера, Восточной Сибири и Дальнего Востока. В меньшей степени процесс демографического коллапса затронул Западную Сибирь, однако и здесь в целом по региону наблюдается постепенная убыль населения, особенно сельского, сопровождающаяся деградацией сельскохозяйственной среды.

Если участие современного российского государства в деле казачьего возрождения на Дону и Кубани можно оценить на оценку «удовлетворительно», то это участие к востоку от Урала последовательно стремится к абсолютному нулю. Дефицит идеологической и интеллектуальной составляющих по существу оставляют за бортом реальной государственной политики такой мощный пропагандистский императив, каковым могла бы стать идея возвращения казачества на Русский Азиатский Восток. Идею Казачьего Зриства — священных земель казачества — обнимающих полосу лесостепи, степи и гор, протянувшуюся в широтном направлении от бассейна реки Днепра до бассейна реки Урал, логично и идеологически легко дополнить землями Алтая, Саянских гор, Забайкалья и бассейна Амура. Исторически бесспорен факт, что эти земли были присоединены к России казаками, а значительное число населенных пунктов в этих регионах были основаны казаками-атаманами. Бесспорно и то, что главным препятствием на сегодняшний день в деле возрождения казачества является отсутствие государственной функции этого возрождения.

Лозунг «Заря казачьего возрождения — на Востоке!», подкрепленный соответствующими государственными гарантиями и льготами, беспроцентным кредитованием, долгосрочным лизингом сельскохозяйственной техники, безвозмездной передачей в собственность крупных наделов земель сельскохозяйственного назначения — мог бы вызвать действительно высокую волну русского возвратного движения на Азиатский Восток. Обретённая казачеством реальная государственная функция придала бы всему движению казаков и эффективный экономический стимул, и подлинное социально-политическое значение.

Очевидный факт, что в рамках предложенной казачьей-переселенческой программы на Восток поедут не столько родовые казаки, сколько русские и украинцы, разделяющие идеологию лозунга и рассчитывающие на эффективные льготы государства, по сути ничего не меняет. Целенаправленное начальное и среднее полное образование уровня «казачья начальная школа — казачий кадетский корпус» при должном содержательном и методическом наполнении образовательных программ способно очень скоро дать России свежее, новое поколение вполне «оказаченных» русских людей. Сама история казачества России, особенно в эпоху после Петра I, убедительно показывает, — как в нужный исторический момент, когда в это время нуждалось государство, — целые исконно русские местности и даже инациональные народы органично и с немалым успехом включались в общеказачий военно-мобилизационный феномен.

IV. Необходимость завершения «безвременья Ельцина» в казачьем движении

Казачье возрожденческое движение последних пятнадцати лет можно